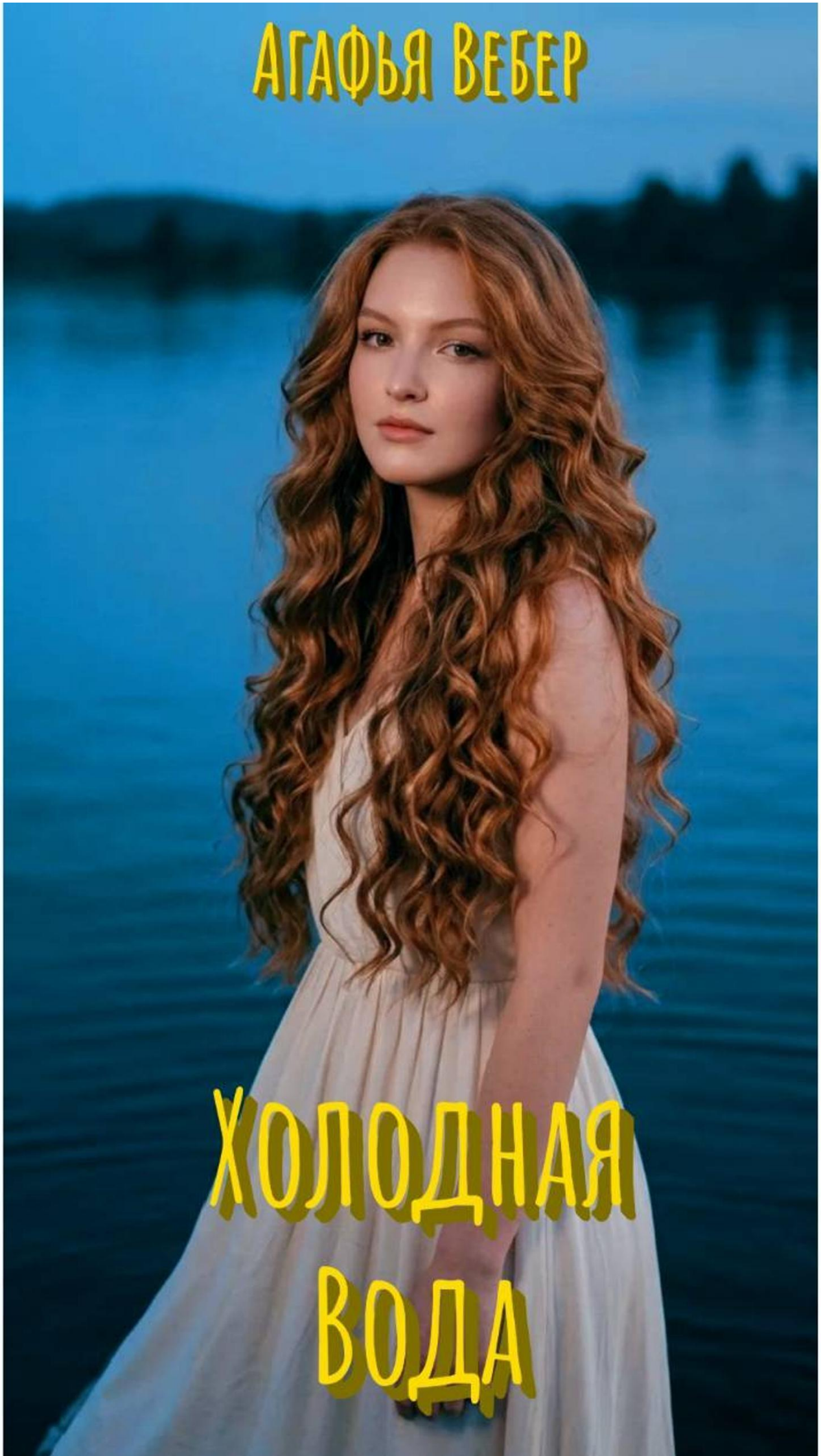
Агафья Вебер
Холодная вода

Агафья Вебер

Холодная вода

«Автор»
2026

Вебер А.

Холодная вода / А. Вебер — «Автор», 2026

Иногда шаг навстречу заветному счастью оборачивается падением в ледяной капкан. Обычная поездка оборачивается затяжным кошмаром, рушатся иллюзии, а будущее утекает сквозь пальцы, как холодная вода. Человек, казавшийся защитой, трусливо отступает перед трудностями, пока официальная медицина лишь бессильно разводит руками.Как найти в себе силы жить, когда тебя лишают опоры, а вокруг смыкается глухое, леденящее равнодушие?Эта история о том, что чужая злоба бессильна перед тем, что предначертано свыше. Если истинное счастье запланировано самой судьбой, оно пройдет сквозь любые преграды, предательства и боль. Оно разрушит любые проклятия и в конце концов обязательно победит.

© Вебер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.На крыльях. 5
Глава 2.След на погосте. 9
Глава 3 12
Ошибочный диагноз. 12
Глава 4 15
Скрытая угроза. 15
Глава 5 17
За стеклом. 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Агафья Вебер
Холодная вода

Глава 1.На крыльях.

Старый аэропорт Красноярска «Черемшанка» жил своей привычной, суетливой и немного усталой жизнью. В воздухе пахло растворимым кофе, дорожной пылью и выхлопными газами заходивших на посадку самолетов. Вокруг шумели люди, объявляли задержки рейсов, где-то плакал ребенок, но для меня в тот августовский день весь мир словно подкрутили по яркости. Я не замечала облупившейся краски на скамейках ожидания. Я видела только Дениса.

Я то и дело поглядывала на его широкую спину, пока он стоял у стойки регистрации, и внутри меня всё сладко, испуганно замирало. В свои девятнадцать лет я была влюблена так, как любят только раз в жизни — слепо, чисто, до головокружения. Мы были вместе уже так долго, что наши отношения казались мне прочным, нерушимым замком. И вот, наконец-то, этот день настал. Он вез меня на свою родину. Вез знакомить с родителями.

Для любой девчонки в моем возрасте этот шаг значил только одно. Конец неопределенности. В девичьих мечтах всё уже было расписано: раз везет в семью, значит, за этим обязательно последует кольцо, заветные слова, свадебное платье… Всё складывалось просто идеально. Я чувствовала себя героиней красивого романа, у которой впереди — только бесконечное счастье.

Когда наш самолет, тяжело и натужно взревев моторами, оторвался от красноярской взлетной полосы, я прильнула к иллюминатору. Мои длинные, густые медно-золотые локоны рассыпались по плечам, ловя редкие лучи солнца сквозь облака. Я провожала взглядом уплывающие вниз серые коробки многоэтажек. Мой родной, безопасный город оставался позади. Я улетала туда, где никогда не была, навстречу своему будущему. И ни одна жилка внутри меня не дрогнула от предчувствия беды. Моя интуиция безмятежно спала.

В Саяногорске нас встретила прохлада и затянутое легкой дымкой небо. Но впереди оставалась еще самая тяжелая часть пути — долгая дорога до их родной деревни, затерянной среди сибирских лесов. Прямо у здания небольшого аэровокзала Денис договорился с местным таксистом. Мы погрузили вещи в багажник потрепанной, видавшей виды старенькой иномарки, салон которой насквозь пропах дешевым табаком и освежителем с запахом хвои.

Машина ходила ходуном на ухабах, колеса шумно шуршали по гравию, увозя нас всё дальше от цивилизации. Денис сидел на переднем сиденье, о чем-то негромко переговариваясь с водителем, а я устроилась сзади, то и дело ловя его улыбку в зеркале заднего вида. Ветер из приоткрытого окна трепал мои волосы, медно-золотые локоны лезли в лицо, но я лишь смеялась, подпевала радио и чувствовала себя самой счастливой и защищенной на свете.

Окружающий мир казался удивительно мирным. Страх отступил, когда за окном замелькали первые деревенские заборы, покосившиеся избушки и стога сена. Сердце заколотилось где-то в самом горле, когда водитель наконец притормозил у высоких деревянных ворот.

Такси заглохло, водитель молча вышел, открыл багажник и выставил наши тяжелые сумки прямо на пыльную обочину. Денис расплатился с ним, мужчина коротко кивнул, сел обратно за руль и рванул с места. Машина скрылась за поворотом, оставив после себя лишь густое облако серой пыли и звенящую, какую-то мертвую тишину.

Пыль медленно оседала на мои белые кроссовки, а я замерла, тщетно пытаясь укротить пальцами растрепавшиеся волосы и приготовившись улыбаться. В моей голове до сих пор крутилась картинка теплого семейного праздника: как распахивается калитка, как навстречу нам

с радостными криками выбегают его родители, как мать утирает слезы умиления, обнимая сына… Я затаила дыхание, ожидая, когда начнется это кино.

Но калитка не распахнулась.

Дом смотрел на нас темными, безжизненными окнами. Ни лая собак, ни единого звука. Абсолютное, глухое безразличие. Никто не выбежал навстречу. Не было ни праздничной атмосферы, ни ощущения, что здесь кого-то ждали. Мы стояли у ворот с тяжелыми сумками, как незваные гости, нарушившие чужой покой.

Денис подошел и толкнул калитку. Она оказалась незапертой. Петли заскрипели так протяжно, уныло и плоско, что у меня внутри всё болезненно сжалось. Мы вошли во двор. На деревянном крыльце по-прежнему никого не было. Этот глухой, леденящий прием без единого слова приветствия ударил по мне сильнее любого открытого хамства. Словно нам с порога, без слов дали понять: «Тебя здесь не ждали. Ты здесь лишняя».

Именно тогда, в этом пустом, сером доме, из-под фундамента которого веяло погребным холодом и сыростью, я впервые почувствовала, как радостное тепло внутри меня начинает стремительно остывать.

Дверь дома наконец приоткрылась, и на пороге появились они — отец и мать Дениса. Никаких улыбок. Никакого оживления. Они смотрели на нас сверху вниз так, словно мы были случайными прохожими, отвлекшими их от каких-то невероятно важных дел. Отец Дениса, угрюмый, тяжелоплечий мужчина, хмуро засунул руки в карманы брюк. Мать стояла рядом — статная, с гладко зачесанными в тугой пучок волосами, в чистом домашнем фартуке. Её лицо было бледным, а губы сжаты в тонкую линию.

Но я, воспитанная в абсолютном тепле, любви и доверии, даже не успела распознать эту скрытую, глухую угрозу. В моей семье было принято выражать чувства открыто. Мы обнимались при встрече, мы делились радостью, мы громко смеялись. И сейчас, ведомая этим искренним, чистым детским порывом, я буквально взлетела на крыльцо. Широко улыбаясь, сияя своими золотыми кудрями, я шагнула вперед и раскинула руки, чтобы обнять будущую свекровь и свекра. Я хотела привезти им свое тепло.

То, что произошло в следующую секунду, навсегда, до мельчайших деталей врезалось в мою память.

Они оба буквально окаменели. Я физически ощутила, как их тела прошила судорога дикого, искреннего шока. Эти люди были настолько не привыкли к элементарному человеческому теплу, к физическому, телесному контакту, что мое искреннее объятие стало для них настоящим нападением.

Мать Дениса инстинктивно, резко дернулась назад. На её лице на долю секунды мелькнуло выражение брезгливости и страха, она попыталась отстраниться, выставить вперед локти, закрыться от меня, как от опасной инфекции. Отец насупился, одеревенев в моих руках, став похожим на замороженное бревно.

Это было невыносимо. До жути, до дурноты неловко. Секунда позора и оглушающего непонимания, когда ты стоишь, прижавшись к чужим, ледяным телам, а пространство вокруг вас буквально покрывается инеем. Но я от растерянности не отступила, глупо и упрямо продолжая сжимать их в объятиях, пока они — медленно, нехотя, словно переступая через непреодолимое отвращение — всё-таки поддались. Мать вяло, формально пару раз похлопала меня ладонью по спине.

От них пахло чужим, нежилым домом, старыми вещами, нафталином и полным, абсолютным равнодушием.

Когда я наконец отстранилась, мои щеки горели огнем от унизительного стыда. Ощущение было такое, будто меня окатили помоями за мою же искренность. Я растерянно обернулась на Дениса, ища в его глазах защиту или хотя бы понимание, но он лишь отвел взгляд в сторону,

смущенно переминаясь с ноги на ногу у машины. Ему было неловко за меня перед родителями. За то, что я повела себя так «громко» и «неправильно» в их тихом, холодном мире.

— Ну, проходите, раз приехали, — сухо обронила мать, даже не посмотрев мне в глаза, и повернулась спиной, уходя вглубь дома.

Чуть позже, когда мужчины ушли во двор разбираться с сумками и какими-то инструментами, мы остались с ней вдвоем на просторной, залитой блеклым солнцем кухне. Напряжение в воздухе было таким плотным, что его можно было резать ножом. Мать Дениса двигалась бесшумно, словно тень. Она не спеша расставляла на столе тяжелые чашки, нарезала хлеб, а я сидела на краю стула, пряча руки между коленями, чтобы она не увидела, как они дрожат.

Инга выдержала паузу. Она дождалась, пока закипит чайник, неторопливо налила заварку, а затем, словно между прочим, мягким, вкрадчивым и до ужаса спокойным голосом произнесла:

— Ты девочка симпатичная, Анжелика… Городская, видная. Но, признаться, мы с отцом всегда думали, что Денис женится на нашей, местной.

Она остановилась, повернулась ко мне лицом и посмотрела прямо в душу своими пустыми, серыми глазами.

— Они ведь с Наташенькой с самого детства напророчены были друг другу. С первого класса за одной партой сидели, весь поселок их свадьбы ждал. Наташа — она наша, здешняя. И хозяйка золотая, и характер тихий, правильный. Мы думали, Денис отучится и вернется к ней. Ну да ладно… Что уж теперь. Садись чай пить, остынет.

От её ровного, монотонного голоса по моей спине пробежал странный, колючий холодок, словно мне за шиворот внезапно плеснули ледяной, колодезной водой. Сердце пропустило удар, а в горле встал сухой, удушливый ком.

Я растерянно замерла, глядя на дымящуюся чашку чая, которую она пододвинула ко мне своей бледной рукой. Мои девичьи мечты о предложении, о кольце, о счастливом будущем в эту секунду с тихим звоном рассыпались, превратившись в мелкие осколки. Стоя на этой чужой кухне, под пристальным взглядом этой женщины, я впервые отчетливо поняла: меня здесь не просто не ждали. Меня здесь презирали за то, что я живая. За то, что я посмела встать на пути у их «напророченного» семейного плана.

Я потянулась к чашке, и мои пальцы коснулись холодного фарфора. Разговор был окончен, но ядовитый осадок остался.

Заняться в доме было решительно нечем. Чтобы хоть как-то разогнать липкое напряжение, я вышла во двор. Бродила около забора, разглядывая незнакомый деревенский быт, сорвала и съела какую-то запоздалую, кислую ягодку прямо с куста. Было скучно и тоскливо. Ближе к вечеру мы с Денисом решили прогуляться до местного деревенского магазина.

Когда мы вышли за калитку, я физически ощутила, насколько чужой и неуместной здесь кажусь. Деревню топило в серости: бесконечная гравийная дорога, глубокие грязные лужи, покосившиеся серые заборы и унылое, давящее небо.

И посреди всего этого монохромного пейзажа шла я — в ярких голубых джинсах, сочной голубой кофточке, белоснежной ветровке и тех самых белых кроссовках. Мои медно-золотые локоны ярким пятном горели на фоне серых изб. Я чувствовала себя инопланетным существо, случайно свалившимся на эту землю из другой галактики. Денис шёл рядом, но даже он в своих привычных темных вещах казался частью этого серого мира, а не моего.

Около покосившегося забора у продуктового магазинчика кучковалась местная молодежь — несколько парней в поношенных спортивных куртках и девчонки с вызывающе накрашенными губами. Завидев нас, они мгновенно замолкли. Разговор оборвался на полуслове, и в воздухе повисла липкая, давящая тишина. С десяток пар глаз уставились прямо на меня, сканируя каждый сантиметр — от белоснежной подошвы кроссовок до макушки.

Этот коллективный взгляд прошивал насквозь. Я физически видела, как в глазах местных девчонок вспыхнула мгновенная, жгучая зависть к чужой, непривычной для этих мест ухоженности. А парни… они смотрели тяжело, с явным мужским интересом. Было очевидно, что эта яркая, необычная городская девчонка им нравится, что они не могут отвести глаз от сияющего облака моих волос. Но правила их маленького, закрытого мира не позволяли им это показать. Им было нельзя признать мою красоту. А потому этот тайный интерес они поспешно маскировали под презрительную, злую ухмылку. На их лицах было написано коллективное: «Фу, не наша. Чужая. Самозванка». Одна из девочек что-то тихо и едко шепнула подруге, и та демонстративно сплюнула на гравий прямо перед моими ногами.

Я сильнее сжала руку Дениса, ожидая, что он хотя бы одарит их предупреждающим взглядом, но он лишь ускорил шаг, делая вид, что ничего не происходит. Ему хотелось побыстрее проскочить этот кордон. Мы зашли в душный полумрак магазина, но это ощущение безжалостного суда спиной я продолжала чувствовать кожей еще очень долго…

Настоящий же удар ждал меня, когда стемнело и пришло время ложиться спать.

Будущая свекровь, невозмутимо расправляя жесткие простыни, сухо объявила: — Спать будете в разных комнатах. Денис в своей старой детской, а тебе, Анжелика, в зале постелю.

Я ошарашенно замерла в дверном проеме. Мы с Денисом уже два года жили вместе в Красноярске, делили одну квартиру, один быт, были единым целым. Я растерянно посмотрела на парня, ожидая, что он сейчас скажет: «Мам, ну ты чего, мы же взрослые люди». Но Денис лишь смущенно кашлянул и промолчал, уставившись в пол.

— Вы люди не расписанные, перед Богом и людьми не женаты, — отчеканила Инга, и в её голосе прозвучало лицемерное, ледяное ханжество. — Так что никаких обид. У нас в доме свои порядки.

Этой ночью я засыпала на жестком диване в чужом, холодном зале. Нас развели по разным углам, лишив меня последней опоры. За стеной тикали старые часы, за окном шумел чужой таежный ветер, а я лежала в темноте и куталась в одеяло, чувствуя, как невидимая холодная вода подбирается всё ближе. Завтра был день памяти дедушки. Завтра нам нужно было идти на местный погост…

Глава 2.След на погосте.

Ночь в чужом доме оказалась удушливой и бесконечной. Мне казалось, что сами массивные бревенчатые стены, пахнущие старой иссушенной хвоей, сыростью и пылью, враждебно подслушивают каждое мое дыхание. Спали мы с Денисом в разных углах дома. Он ушел в свою бывшую детскую комнату и, кажется, уснул мгновенно, едва его голова коснулась подушки — спокойный, домашний, вернувшийся в свои родные пенаты. А я до самого рассвета ворочалась на жестком диване в зале, глядя в темноту потолка и чувствуя, как внутри тяжелым ледяным комом оседает вчерашний разговор на кухне.

Утром, пока родители возились во дворе и шумели ведрами у колодца, мне наконец удалось поймать Дениса в коридоре. Он застегивал пуговицы на чистой рубашке, глядя в мутноватое окно.

— Денис... — я подошла со спины, робко коснувшись его плеча. — Твоя мама вчера на кухне... Ну, про Наташу говорила. Что вы с самого детства напророчены друг другу. И что весь поселок вашей свадьбы ждал.

Денис на секунду замер, его плечи напряглись, но уже в следующее мгновение он обернулся и беззаботно, легко рассмеялся, притягивая меня к себе за талию.

— Лик, ну ты чего? Мама просто к слову вспомнила, старое помянула. Наташка — наша соседка, мы через забор друг у друга выросли, в одну школу ходили. Мама у меня просто старой закалки, деревенский консерватор, ей всё кажется, что мир крутится вокруг нашего поселка. Ты всё слишком близко к сердцу принимаешь, накручиваешь себя на ровном месте. Пойдем завтракать, ладно? Там уже чайник закипел.

Он быстро поцеловал меня в макушку и вышел на кухню. Его легкий, отмахнувшийся тон ранил сильнее, чем если бы он разозлился или стал защищать мать. Денис просто не хотел видеть очевидного. Ему было удобнее и проще считать, что это я, глупая городская девчонка, «накручиваю себя», чем признать горькую правду: его мать только что хладнокровно объявила мне тихую, подлую войну. Мой гордый разворот плеч, который я так отчаянно пыталась держать с самого приезда, в этот момент едва заметно дрогнул. Я осталась один на один со своим тяжелым предчувствием.

А потом было кладбище..

Погост встретил Анжелику глухим, будничным молчанием. Черные, вековые ели тяжело качали лапами, словно пытаясь закрыть небо от этого сырого, неуютного места. Земля под ногами была жирной, раскисшей от затяжных дождей. Лика шла чуть позади Дениса и его матери, чувствуя, как между ними и ею медленно, но ощутимо разрастается глухая дистанция. На этот семейный поминальный выезд — ровно два года со дня смерти дедушки Дениса — приехали самые близкие родственники. Все они держались своей привычной, сплоченной группой, негромко переговаривались о насущном, и Лика со своими медно-золотыми локонами и легким городским пальто невольно чувствовала себя здесь лишней.

Инга, шла впереди, придерживая сына за локоть. Она была полностью погружена в общение с родней: распределяла принесенные цветы, поправляла поминальные свечи, тихо благодарила пришедших. Лику она тихо игнорила — она просто держалась отстраненно, общаясь исключительно по делу и не включая её в общий круг.

У самой ограды, когда родственники теснее обступили гранитную плиту, Лика попыталась аккуратно протиснуться ближе к Денису. Под ногами шуршала пожухлая трава, скрывавшая мелкий мусор. Наступив на случайную кочку, она спрыгнула с нее и почувствовала, как пятку обожгло огнем. Резко подняв ногу она увидела как из кроссовка под пяткой торчит грязный еловый сучок и по нему смешиваясь с грязью, все быстрее и быстрее капает кровь..

Боль прошила стопу мгновенно. Лика тихо охнула, покачнувшись. Кроссовка была пробита насквозь и сучок вошел прямо в мягкую плоть ступни. На белой ткани у самой подошвы проступило темное влажное пятно.

Инга мимоходом оглянулась на звук, скользнула по Лике ровным, ничего не выражающим взглядом и негромко заметила:— Денис, посмотри, что там у Лики. Если тяжело стоять, пусть в машине подождет, мы скоро.

Денис обернулся, посмотрел на её ногу, и на его лице отразилось не столько сочувствие, сколько глухое замешательство и испуг . Он всегда боялся крови и излишнего внимания.

— Сильно? — тихо спросил он, подойдя к ней. — Слушай, давай я тебя правда до машины провожу, а то тут сыро очень. Мама права, не стой на холоде.

Он довел её до автомобиля, открыл дверцу и, дождавшись, пока она сядет, поспешил вернуться назад к родственникам. Он не остался рядом, не попытался толком осмотреть рану — просто мягко устранился, вернувшись туда, где ему было привычнее и спокойнее. Лика осталась сидеть одна в запертом салоне, глядя через стекло на молчаливые силуэты у могилы. Нога уже начинала тупо, изнуряюще ныть.

Дорога назад в дом прошла в таком же ровном, тягостном молчании. Родственники негромко обсуждали какие-то свои бытовые дела, Денис изредка вставлял реплики, а Лика сидела у окна, отрезанная от общего разговора невидимой стеной. Из вежливости ее никто не трогал, но это равнодушие ощущалось почти физически.

Дома отчуждение стало еще более явным. Приехавшие гости шумно рассаживались за поминальный стол. Лика, едва наступая на горящую ступню, замерла в коридоре. Инга, суетясь у плиты с тарелками, бросила на ходу:— Денис, покажи Лике, где гостевая комната. Пусть приляжет, отдохнет. Наверное, с непривычки устала с дороги. Мы тут сами разберемся.

В этих словах не было открытой злости — только спокойное, мягкое вытеснение. Лику аккуратно вывели за рамки семейного круга. Денис послушно отвел её в небольшую, прохладную комнату со старым диваном и байковым одеялом.— Ты полежи, ладно? — виновато улыбнулся он. — Я пойду, помогу там маме, неудобно перед гостями.

Про рану на ноге он больше не вспомнил, а Лика из гордости не стала навязываться со своими проблемами. Она обработала пятку какими-то влажными салфетками из сумочки и легла.

Лихорадка накрыла её ближе к ночи, когда в доме наконец всё утихло и гости разошлись. Наверное, в рану попала земля. Распухшая ступня горела так, словно изнутри её выжигали каленым железом. Лику то бросало в холодный, липкий пот, то сжигало изнутри жарким бредом. В полузабытьи ей чудились серые кладбищенские силуэты и бесконечные, равнодушные лица. Она пыталась позвать Дениса, но голос хрип и срывался. Бывший жених ушел спать в другую комнату — мать, скорее всего, убедила его не беспокоить уставшую гостью до утра.

Около трех часов ночи, когда жар немного спал, оставив после себя сильную слабость, Лика почувствовала невыносимую жажду. Горло пересохло. Едва удерживая равновесие и опираясь на холодные стены коридора, она поплелась в сторону кухни, где стоял графин с водой.

Из-под неплотно прикрытой кухонной двери пробивалась тонкая полоска света. Лика невольно замерла, услышав негромкие голоса — Инга и Денис тихо разговаривали за чаем.

— ...я ведь ничего не имею против неё, Денис, — негромко, устало говорила Инга. — Симпатичная девочка. Но ты сам посмотри со стороны — ну совсем она чужая. Не нашего круга, не привыкшая к нашей жизни. В такой день закрылась в комнате, даже к столу не вышла поддержать нас. Мне кажется, ты поторопился со свадьбой. Сейчас, когда дедушки нет, нам и так тяжело, а тут еще нужно как-то под неё подстраиваться.

— Да я сам вижу, мам... — в голосе Дениса слышалась вялая, соглашательская покорность. Он звучал так, будто давно внутренне сдался. — Всё как-то не вовремя получилось. Слишком быстро.

— Вот и я о том же. Пусть она завтра спокойно летит обратно в Красноярск. Побудет дома, подумает, подлечит свою ногу. Если это действительно твоё — время покажет. А пока не нужно спешить. Да и Наташа из третьего подъезда сегодня заходила, пирог поминальный приносила, так душевно посидели... Вот это понимание. А Анжелика... ну не пара она тебе, сынок. Завтра утром помоги ей собраться, проводи на вокзал или в аэропорт. Так будет лучше для всех.

Лика стояла в темноте коридора, и эти тихие, разумные слова свекрови казались холоднее льда. В них не было криков или базарной ругани — в них было спокойное, окончательное решение вычеркнуть её из жизни. И самое страшное было в том, как легко, без единой попытки объясниться или защитить их общие планы, Денис согласился. Его тихое «Пожалуй, ты права, мам» прозвучало как финальный приговор.

Внутри Лики что-то безвозвратно надломилось, уступая место звенящей, прозрачной пустоте. Гордость и остатки инстинкта самосохранения вытеснили и боль, и остатки лихорадки. Она поняла, что не останется здесь ни одной лишней минуты. Ей было невыносимо оставаться в этом доме до утра, смотреть в глаза Денису и разыгрывать сценарий «вежливого расставания».

Вернувшись в комнату, стараясь не издавать ни звука, она начала собираться. Руки дрожали, но движения были точными. Затолкав вещи в чемодан, она натянула кроссовок на воспаленную, отекшую стопу. Хлынувшие из глаз слезы боли она просто зло вытерла тыльной стороной ладони. Накинув куртку, Лика аккуратно взяла чемодан на вес, чтобы колесики не зашумели по старому полу.

В доме стояла глухая ночная тишина.

Она тихо приоткрыла входную дверь, скользнула на крыльцо и прикрыла створку до едва слышного щелчка замка. В лицо ударил сырой, пронизывающий ночной воздух.

Добравшись до дороги за воротами, Лика через приложение вызвала такси. Машина приехала быстро, разрезая фарами мокрую темноту. Водитель, увидев бледную, как полотно, девушку с растрепанными медно-золотыми волосами, которая едва держалась на ногах, встревожился:— Девушка, вам плохо? Может, в дежурную больницу отвезти?

— В аэропорт, — глухо, но отчетливо ответила Лика, садясь на заднее сиденье и закрывая глаза. — Пожалуйста. Мне нужно домой.

Машина тронулась, увозя её прочь от места, где разбились её последние иллюзии. За окном мелькали редкие тусклые фонари, а внутри Лики застывала спасительная, ледяная пустота. Она возвращалась в Красноярск — израненная, преданная, с тяжелым воспалением, совершенно не подозревая, что эта страшная ночь это только начало необъяснимых событий в ее жизни.

Глава 3

Ошибочный диагноз.

Красноярск встретил Анжелику привычным, родным шумом аэропорта Емельяново, но этот шум доносился до неё словно сквозь толстый слой ваты. Едва шасси самолета коснулись посадочной полосы, Лика дрожащими пальцами отключила авиарежим на телефоне. Экран тут же вспыхнул и затрещал от лавины уведомлений.

Денис. Двадцать пропущенных вызовов. Тридцать пять. Ссылки на голосовые сообщения. Телефон вибрировал в руке, не переставая, и в ту же секунду на экране снова поплыло его имя. Бывший жених проснулся. Обнаружил пустую гостевую комнату, исчезнувший чемодан и теперь исходил трусливой паникой, не понимая, как его удобный, мамой написанный сценарий утреннего расставания развалился в прах.

Лика со злостью сбросила вызов. Внутри не было обиды — только глухое, выжигающее отвращение. Разговаривать с ним, слушать его жалкие «Лика, что произошло? Куда ты делась? Мама в шоке!» не было никаких сил. Особенно сегодня. Ведь сегодня, тринадцатого октября, был её двадцатый день рождения. Первый серьезный юбилей, который она мечта провести совсем иначе.

Ей было плохо. В зале прилета её накрыло так, что чемодан казался неподъемной бетонной плитой. Горло драло немилосердно, каждый глоток отзывался острой болью, а по телу побежал крупный, изнуряющий озноб. Лику трясло так, что зуб на зуб не попадал. Кое-как добравшись на такси до своей квартиры, она закрыла за собой дверь и без сил опустилась на пол прямо в прихожей, прижавшись лбом к прохладному зеркалу шкафа. Ей казалось, что она просто сильно простудилась на том проклятом сыром кладбище.

Через час тишину квартиры разорвал настойчивый звонок в дверь. Лика, завернутая в плед, кое-как доползла до замка. На пороге стояли они — её девчонки. Марина, Ольга и Татьяна. Они пришли нарядные, с букетом её любимых цветов, шампанским и тортом — поздравлять свою Лику с двадцатилетием. Но, увидев её, подруги разом замолчали.

— Господи, Лика! На тебе лица нет! — Марине первой удалось вернуть дар речи. Она с ходу приложила ладонь к её лбу и испуганно отдеркнула руку. — Да ты же вся горишь!

— Девчонки, вы проходите, — хрипло, едва разлепляя сухие губы, попыталась улыбнуться Лика. Голос почти пропал, горло словно засыпали битым стеклом. — Всё нормально... Ничего страшного. Я просто полежу немного, а вы рядом со мной погуляйте, ладно? Не уходите. Праздник же...

Подруги переглянулись, и в их глазах отразилась лавина вопросов, но расспросы они единогласно решили отложить. Окружив Лику заботой, Ольга помогла ей добраться до дивана и укутала её вторым одеялом. Марина и Татьяна тем временем решительно ушли на кухню. Праздник отменять никто не собирался — девчонки начали быстро накрывать стол прямо в спальне, рядом с её кроватью, чтобы Лика не чувствовала себя одиноко. Шуршали салаты, резались фрукты, звенели бокалы, создавая удивительно теплое, домашнее ощущение, от которого у Лики защемило в груди. Вот оно — настоящее. Не то, что было в том чужом, холодном доме.

Телефон на столике снова зажужжал. Экран упрямо высвечивал «Денис». Татьяна посмотрела на мобильный с глубоким неодобрением:— Этот недотепа весь день мне и Маринке обрывает телефон. Требует сказать, где ты. Лик, что этот дурак устроил? Вы поругались?

— Не надо... не говорите мне про него, — тихо попросила Лика, сильнее втягивая голову в плечи от очередного приступа дрожи. — Пожалуйста, выключите его.

Ольга решительно зажала кнопку питания на аппарате и спрятала погасший телефон в карман: «Всё, отрубила. Пусть исходит пеной. Сегодня твой день, и портить его мы никому не позволим».

Когда стол был готов, Марина аккуратно открыла бутылку шампанского. Девочки разлили игристое по бокалам, а один, совсем чуть-чуть, протянули Лике.

— Ну, за твой двадцатый день рождения, родная! Пусть этот юбилей станет началом новой, счастливой жизни, а всё плохое останется позади. Давай, за твое здоровье!

Лика, приподнявшись на локтях, натянуто улыбнулась и сделала несколько глотков. Прохладное, покалывающее шампанское обожгло воспаленное горло. Антибиотики она еще не начинала пить, поэтому позволила себе этот символический бокал ради девчонок, ради этого неудавшегося праздника. О ране на ноге она даже не вспомнила — на фоне пылающего тела пробитая пятка казалась сущим пустяком, просто тупо ныла где-то там, под одеялом.

Но алкоголь, смешавшись с лихорадкой, дал обратный эффект. Буквально через полчаса озноб усилился настолько, что Лику начало откровенно трясти . Измерили температуру — ртутный столбик упрямо замер на пугающих 39.6.

— Всё, хватит, — отрезала Марина, отставляя свой бокал. — Вызываем скорую. Такую температуру мы сами не собьем, она уже заговаривается.

Врач скорой помощи приехал быстро — уставший, замотанный мужчина в синей медицинской куртке. Он бегло осмотрел Лику, посветил фонариком в ярко-красное, отекшее горло, пощупал лимфоузлы. На стоящие на столе бокалы и торт он лишь понимающе и хмуро вздохнул.

— Ну что, именинница, догулялась? — покачал головой доктор, садясь к столу и открывая блокнот. — Горло багровое, налет начинает образовываться. Полноценное подозрение на тяжелую лакунарную ангину. Иммунитет, видать, на нуле из-за стресса, вот инфекция и бабахнула. Озноб и лихорадка — типичная картина.

Он быстро настрочил рецепт на сильные антибиотики.— В больницу пока не повезу, мест нет, да и подруги у вас боевые, присмотрят. Но антибиотики начинать пить строго с этого момента, два раза в день. И никакого алкоголя больше, разумеется. Если через два дня температура не спадет — вызывайте повторно. С ангиной шутки плохи.

Врач уехал. Марина тут же накинула куртку и побежала в круглосуточную аптеку за лекарствами, а Ольга и Татьяна остались в комнате. Праздничный стол, который девчонки так старательно накрывали, теперь выглядел сиротливо. Ольга тихонько убирала тарелки, а Татьяна меняла влажное полотенце на лбу Лики, которая лежала в полузабытьи. Жар немного отступил под действием укола скорой, но в теле оставалась свинцовая, изнуряющая слабость.

Тишину квартиры разрезал резкий, знакомый звук — в прихожей повернулся ключ, и открылась входная дверь.

Девчонки в комнате разом замерли. Лика открыла глаза, внутренне сжимаясь от неизбежного. В спальню вошел Денис. Он прилетел следующим рейсом. С дорожной сумкой через плечо, растрепанный, с запыхавшимся и обиженным лицом.

Увидев подруг Лики, он на секунду стушевался, но тут же расправил плечи, пытаясь вернуть себе уверенный вид.

— Привет, — глухо бросил он девчонкам, а затем повернулся к дивану. — Лик, ну и что это было? Ты хоть понимаешь, что ты устроила? Мама утром заходит — комната пустая, тебя нет. Мы все морги, все больницы там обзвонили, пока я догадался, что ты на самолет села! Зачем нужно было устраивать этот цирк посреди ночи?

Марина, как раз вернувшаяся из аптеки с пакетом лекарств, шагнула вперед, преграждая ему путь к дивану:— Ты бы рот закрыл, Денис. У неё температура под сорок, только что скорая уехала. Какая тебе разница, почему она уехала, если твоя мамочка сама её выживала?

— Мама просто переживает! — вспыхнул Денис, его щеки привычно пошли красными пятнами. — Она хотела как лучше. Сказала же, что свадьбу надо просто перенести, время сейчас тяжелое после дедушки. Зачем было сбегать как воровке? Можно же было нормально, по-человечески поговорить утром! Лика, ну чего ты молчишь?

Лика смотрела на него сквозь пелену слез, которые предательски закипали в глазах. Гордая осанка не позволяла ей разрыдаться, но голос, сорванный болезнью, звучал тихо и хрипло: — По-человечески, Денис?.. Я слышала ваш разговор на кухне. Всё до единого слова. Про то, что я обуза, про «рыжую немочь» и про Наташеньку из третьего подъезда. И то, как ты со всем этим согласился.

Денис осекся. Воздух из него словно выпустили. Он затравленно оглянулся на Таню и Ольгу, которые смотрели на него с откровенным презрением.

— Лик... ну ты всё не так поняла, — забормотал он, делая шаг назад. — Мама просто... она на эмоциях была. А я просто не хотел её злить в такой день. Ты же знаешь, какая она. Ну что ты сразу крест на всём ставишь?

— Уходи, Денис, — оборвала его Лика, отворачиваясь к стене. Силы покидали её, рана в ноге снова задергала, а горло невыносимо горело. — Всё кончено. Забирай свои вещи и уходи. Свадьбы не будет. Вообще никогда.

В комнате повисла тяжелая тишина. Денис постоял несколько секунд, переводя взгляд с Лики на её воинственно настроенных подруг. Поняв, что оправдываться бесполезно, а жалости он здесь не дождется, он зло поджал губы. Трусость в его характере быстро сменилась мелочной обидой.

— Ну и пожалуйста, — буркнул он, отступая в коридор. — Сама всё разрушила из-за каких-то пустяков. Гордая слишком? Ну вот и сиди одна со своей гордостью.

В прихожей загремели дверцы шкафа. Под неодобрительными взглядами Татьяны и Марины, Денис шумно, демонстративно швырял свои куртки и обувь в сумку. Он забирал всё, до последней футболки, словно пытаясь напоследок посильнее уколоть Лику этим поспешным разделом имущества. Наконец, застегнув молнию, он бросил на тумбочку свои ключи от квартиры.

— Прощай, Анжелика. С днем рождения тебя, — с фальшивой горечью бросил он из коридора.

Входная дверь захлопнулась с тяжелым стуком. Всё. Его больше не было в её жизни. Вместе с Денисом ушло прошлое, оставив после себя лишь звенящую пустоту и горький привкус предательства.

Ольга подошла к дивану, ласково погладила Лику по плечу:— Ну и скатертью дорога. Туда ему и путевка, Ликусь. Не плачь, он твоего ногтя не стоит.

— Я не плачу, — глухо ответила Лика, хотя одна горячая слеза всё-таки скатилась по её бледной щеке. — Мне просто зябко. Дайте таблетку, пожалуйста.

Марина быстро налила воды, протянула антибиотик, выписанный врачом. Лика проглотила лекарство через силу и закрыла глаза, погружаясь в тяжелый, медикаментозный сон. Она думала, что самое страшное позади — отношения разорваны, Денис ушел, а «ангину» она как-нибудь вылечит. Ей и в голову не могло прийти, что пока она пытается заглушить душевную боль и жар таблетками, настоящая смертельная опасность медленно и незаметно поднимается от её израненной, скрытой под одеялом стопы выше по венам...

Глава 4

Скрытая угроза.

Первые два дня после отъезда скорой и шумного ухода Дениса показались Лике обманчивым затишьем. Горло, обработанное лекарствами, постепенно отпускало, глотать стало легче, и девчонкам на мгновение показалось, что опасность миновала. Но облегчения не пришло. На смену острой боли явилась глухая, свинцовая слабость. Температура упрямо замерла на отметке 37.8 и отказывалась падать ниже, а по вечерам Лику по-прежнему накрывал странный, сухой озноб, от которого не спасали даже три одеяла.

Девчонки дежурили по очереди. Марина, у которой была возможность работать удаленно, перевезла к Лике ноутбук и обустроилась на кухне, периодически заглядывая в спальню с кружкой теплого морса. Ольга и Татьяна сменяли её по вечерам.

Обида у Дениса, как и следовало ожидать, быстро сменилась алкогольной смелостью. На третьи сутки его телефонный бойкот оборвался. Сначала на выключенный телефон Лики (который подруги изредка включали проверить сообщения) посыпался бред в мессенджерах: то запоздалые пьяные извинения вперемешку с обвинениями в гордыне, то требования вернуть «его законные вещи», которые он якобы забыл в спешке. Лика мельком смотрела на эти строчки и закрывала глаза — этот человек казался ей теперь бесконечно далеким и чужим, будто из прошлой жизни.

А глубокой ночью Денис заявился сам.

Лика проснулась от резкого, глухого стука в общую тамбурную дверь. Бывший жених был сильно пьян, ломился в квартиру, колотил кулаками в обшивку и громко, на весь подъезд, требовал «поговорить по-человечески». В ту ночь у Лики дежурила Марина. Она пулей выскочила в коридор, на ходу хватая кухонный нож — скорее для собственной уверенности.

— Денис, пошел вон! — жестко, не открывая двери, крикнула Марина. — Еще один удар, и я вызываю полицию! Тебя загребут за хулиганство, понял?! Твои шмотки на помойке, катись отсюда!

Лика лежала в темноте спальни, сжавшись в комок под одеялом. Зубы стучали от нахлынувшего озноба, а к горлу подкатывала тошнота от стыда перед соседями и бессилия. Ей было невыносимо от того, во что превратилась её жизнь. За дверью еще какое-то время слышалось невнятное пьяное бормотание, удаляющийся топот по лестнице, а потом наконец наступила тишина. Маринка вернулась в комнату, ласково поправила ей подушку и тихо выругалась в темноту.

На четвертый день скрытая угроза проявила себя открыто.

Утром, пытаясь дойти до ванной, Лика поняла, что почти не может наступить на правую ногу. Пробитая на кладбище пятка, которая внешне затянулась сухой темной корочкой, теперь тупо, глубоко и изнуряюще ныла. Но страшнее было другое. Вернувшись в постель, Лика случайно откинула рукав ночной сорочки и замерла от ужаса.

Вдоль синеватых вен на её предплечье проступала мелкая, багровая, пугающая сыпь. Словно под кожей рассыпали маковые зерна, которые четко очерчивали русло кровотока. Лика позвала девчонок. Прибежавшая Ольга, едва взглянув на её руку, побледнела.

Антибиотики, которые Лика честно пила все эти дни, не помогали. Организм медленно угасал, и подруги с ужасом поняли: первая скорая совершила роковую ошибку. Дело было вовсе не в ангине. Причина её лихорадки и увядания скрывалась в чем-то другом, гораздо более страшном и глубоком.

Вторая скорая приехала под утро, когда терпеть больше не было сил. В этот раз врач, едва взглянув на багровую дорожку сыпи вдоль вен и отекшую ногу Лики, хмуро скомандовал: «В стационар. Срочно».

Так Лика оказалась в инфекционной больнице. Её поместили в бокс — просторную палату, рассчитанную на троих, но она лежала там совершенно одна. Здесь царил культ строжайшей изоляции. Выходить в коридор, а уж тем более в общую столовую, было категорически запрещено. Да Лика и не смогла бы, даже если бы ей разрешили — болезнь окончательно приковала её к больничной постели.

Стены бокса и дверь были со стеклянными вставками. Из-за этого Лика постоянно чувствовала себя как в телевизоре, за которым с той стороны равнодушно наблюдает проходящий мимо персонал. Весь мир сузился до размеров этой стерильной комнаты, за окнами которой шумел чужой, живущий своей жизнью Красноярск.

Для Ольги, Марины и Татьяны начались тяжелые будни. Девчонки составили жесткий график: одна прибегала к больничному корпусу утром перед работой, другая — вечером. Они готовили домашние бульоны, паровые котлетки, пытались передать Лике хоть немного тепла через суровых больничных санитарок в окошке передач. Но аппетита у Лики не было совсем. Еда оставалась нетронутой на больничной тумбочке — от одного вида пищи её начинало мутить.

Единственной связью с реальностью оставался мобильный телефон. Когда силы ненадолго возвращались, Лика едва заметным движением руки включала потихоньку музыку или какой-нибудь спокойный ролик. Она клала телефон себе на живот и просто слушала, прикрыв глаза. Звуки из динамика глушили звенящую больничную тишину, пока сознание снова не уплывало в тяжелый, лихорадочный сон.

Тем временем вокруг её кровати развернулась настоящая медицинская война. Первичный диагноз «ангина» врачи отменили сразу же после первых экспресс-тестов. В палату то и дело заходили хмурые доктора, собирались бесконечные консилиумы, у измученной Лики по нескольку раз в день брали кровь из изрешеченных вен. Но разгадка ускользала. Из-за жара и слабости Лика едва понимала, о чем они спорят у её изножья. Анализы, бесконечные анализы заменяли друг друга, а ответа не было.

Наконец, заведующий отделением, внимательно изучив странную багровую сыпь, которая тянулась по руке отчетливой линией, нахмурился:— Похоже на дорожку от укуса. В лесу или на природе в последнее время были?Лика смогла лишь слабо кивнуть, вспомнив сырое, заросшее елями кладбище.

— Срочно анализы на клещевые инфекции! — скомандовал он.

Первой рабочей версией консилиума стал клещевой энцефалит. От одного этого словосочетания у пришедшей вечером Марины подкосились ноги в приемном покое. Однако новые тесты путали карты. Врачи продолжали искать, колоть, изучать показатели крови, пока наконец в истории болезни не появился новый, окончательный, как им казалось, вердикт: **клещевой сыпной тиф**.

И вот тогда начались настоящие муки. Новая схема лечения, мощные специфические препараты, капельницы, от которых вены жгло огнем, а голову разрывало от невыносимой тошноты и боли. Организм, истощенный ложным лечением от ангины, принял этот новый удар с трудом. Лика лежала за своим стеклом, измученная бесконечными процедурами, консилиумами и лекарствами, которые пока не приносили облегчения. Ошибка следовала за ошибкой, а истинный очаг болезни — маленькая, скрытая под больничным одеялом рана на стопе — по-прежнему оставался незамеченным врачами...

Глава 5

За стеклом.

Вердикт «клещевой сыпной тиф» прозвучал в стенах инфекционного бокса как приговор из какого-то прошлого, дореволюционного века. Оказалось, что в современном Красноярске этой болезни не видели так давно, что у медиков не было ни четких протоколов, ни готовых направленных лекарств. От безысходности и паники консилиум принял единственное решение — глушить затаившуюся за стеклом заразу убойными, почти токсическими дозами антибиотиков широкого спектра.

Начались дни, которые Лика впоследствии помнила как сплошное марево из боли. Препараты буквально выжигали её изнутри. Капельницы часами цедили в кровь тяжелую, обжигающую химию. Вены на руках чернели, воспалялись и лопались одна за другой, металлический привкус во рту не проходил часами, а от постоянной, изнуряющей тошноты хотелось выть. Организм, и без того истощенный ложным лечением от ангины, таял на глазах. Медно-золотые локоны потускнели и безжизненными прядями разметались по подушке.

Для Марины, Ольги и Татьяны это время стало испытанием на прочность. Они продолжали посменно дежурить у больничного корпуса, передавали домашние легкие бульоны, но Лика не могла даже смотреть на еду. Подруги плакали в коридоре, глядя сквозь смотровое стекло бокса, как их всегда гордая, красивая Ликуся превращается в прозрачную, безжизненную тень. Сама Лика уже почти не реагировала на их появление — она стремительно теряла связь с внешним миром, ускользая, тая с каждым часом.

Видя, что официальная медицина зашла в тупик, а убойная химия просто уничтожает их подругу, девчонки забили в набат. В ординаторской им лишь разводили руками и прятали глаза, и тогда в души подруг закрался настоящий, первобытный ужас. Спасать Лику нужно было самим. Марина первая вспомнила смутные слухи о том, что где-то в пригороде живет сильная знахарка — ведунья, которая берется за самые безнадежные, тяжелые случаи, когда врачи умывают руки. Девчонки судорожно начали обзванивать знакомых, расспрашивать родственников, искать хоть какие-то ниточки. Поиски продвигались туго, контактов не было, но они упрямо цеплялись за эту призрачную соломинку, пока Лика угасала в своем стеклянном боксе.

А затем больничный бокс превратился в лекционную аудиторию и съемочную площадку.

Поскольку случай с тифом был уникальным и невероятно редким, руководство больницы совместно с мединститутом решило использовать Лику как живое учебное пособие. Целыми днями в её палату, шурша пластиком, заходили целые отряды студентов. Запаянные с ног до головы в глухие защитные костюмы, маски и очки, они выглядели как безликие существа. Профессор что-то монотонно объяснял у её изножья, а студенты подходили по очереди, бесцеремонно трогали её лимфоузлы, ощупывали распухшую ногу и поднимали больничную рубашку, чтобы рассмотреть ту самую багровую дорожку сыпи на теле.

Но новость о «забытой средневековой болезни» быстро просочилась за пределы больничных стен. Медики разговаривали друг с другом, информация утекла к прессе, и вокруг инфекционного корпуса началось настоящее безумие. Больницу буквально осадили журналисты. Вспышки фотоаппаратов мелькали у главного входа, а вскоре к окнам её бокса на первом этаже подобралась телевизионная бригада. Лика сквозь тяжелую пелену жара видела, как за стеклом, с той стороны окна, устанавливают штатив и направляют на неё холодный, черный объектив видеокамеры. Огромная телевизионная линза жадно ловила каждый её вдох, снимая бледную девушку с разметавшимися золотыми волосами для выпуска новостей.

В те моменты, когда вокруг её кровати толпились чужие люди в защитных комбинезонах, когда латексные перчатки бесцеремонно касались её измученного тела, а за окном жужжала съемочная камера, Лика не испытывала ни злости, ни стыда, ни страха. Болезнь забрала всё, выжгла до самого основания. Физических и душевных сил не осталось даже на простейшие эмоции.

Была только одна мысль. Прозрачная, пугающе спокойная и отчетливая: *«Господи, сейчас на самом деле просто проще умереть»*. Терпеть это дальше казалось невозможным. Закрыть глаза, перестать дышать, сдаться и скользнуть в вечную темноту было бы гораздо легче, чем продолжать этот бесконечный, изнуряющий ад. Смерть казалась не избавлением, а самым простым, логичным и легким выходом из тупика, в котором она оказалась.

Утро Марка началось неожиданно паршиво и кувырком. Будильник почему-то не прозвенел, и парень подскочил на кровати, когда до начала занятий оставались считаные минуты. Чертыхаясь, он в полумраке натягивал джинсы, в спешке и обжигая язык хлебал на ходу наспех заваренный, горький растворимый кофе и на ходу влетал в куртку. Опаздывать сегодня было категорически нельзя. Мало того что староста уже оборвал телефон, напоминая, что они дико задерживают всю группу, так еще и повод был особый — на сегодня была назначена важная выездная сессия. Их поток везли на практическое занятие в городскую инфекционную больницу, где, по слухам, лежал какой-то невероятно редкий, уникальный пациент.

Марк бежал по утренним улицам Красноярска, ловя лицом резкий осенний ветер, и думал лишь о том, как бы незаметно проскользнуть за спины однокурсников и не огрести выговор от куратора. Он относился к этой поездке как к очередной обязаловке, сухой строчке в учебном плане, где им снова покажут стандартные клинические маркеры и заставят писать бесконечные отчеты.

В холле стационара группа судорожно паковалась в защитные костюмы. Шурша латексом и застегивая под подбородком глухие молнии комбинезонов, студенты превращались в одинаковые безликие фигуры, различимые только по глазам за пластиковыми очками. Марк зашел в бокс последним, держась чуть позади профессора, готовый слушать привычную лекцию.

Но то, что он увидел, шагнув за стеклянную дверь, заставило его сердце пропустить удар. У Марка перехватило дыхание, словно он получил внезапный, сокрушительный удар под дых.

На белоснежных, стерильных больничных простынях лежала девушка. Она была невероятно, пугающе хрупкой, бледной, почти прозрачной. Вокруг её головы нимбом разметались потрясающие медно-золотые локоны, которые казались единственным живым и ярким пятном в этой мертвенно-белой комнате. Она казалась Спящей царевной из старой сказки — застывшей, прекрасной и почти не дышащей. Марк смотрел на её тонкие ключицы, на едва заметные движения грудной клетки и чувствовал, как внутри него закипает глухая, яростная волна протеста.

Вокруг этой ускользающей из жизни девушки толпилась куча народа. Профессор вещал скучным лекторским тоном, студенты вяло переговаривались, шелестели блокнотами, безразлично и механически рассматривали её тело как неодушевленный предмет. Никто из них не обращал внимания на то, что человек перед ними находится на грани, что она буквально растворяется в этой болезни. Вся эта суета, нацеленные за окном объективы телекамер, латексные перчатки — всё это выглядело как кощунство над её хрупкостью.

Марк стоял неподвижно, забыв обо всем на свете, не в силах отвести взгляд от бледного лица. Он смотрел на неё не отрываясь, жадно, пытаясь вобрать в себя каждую черту её лица, запомнить эти медно-золотые локоны как можно дольше, будто от этого зависела её жизнь. И в этот момент произошло то, чего никто не ожидал. Как будто почувствовав невероятную, концентрированную силу его взгляда, Лика шевельнулась. Её ресницы дрогнули, и она медленно открыла глаза.

Марк замер, едва дыша. На этом измученном, бледном, как полотно, лице вспыхнул горящий, ярко-зелёный взгляд. Это был слабый, но удивительно внимательный, осознанный взгляд человека, который сквозь пелену тяжелого жара и чужого равнодушия вдруг уловил чью-то мощную эмоцию и безмолвную, но такую осязаемую поддержку. Несколько секунд они смотрели глаза в глаза — испуганная, измученная девочка за стеклом и скрытый под безликой маской студент-медик. Между ними протянулась невидимая нить, и Марк отчетливо понял: он сделает всё, но не позволит ей просто так исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.